

Церковно-приходское летописание на волгоградской земле. Документы. Ч. I. Волгоград, 2015. С. 217.

8. Там же. С. 253–255.
9. Донской край. 1918. № 97. С. 2.
10. Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви станицы Урюпинской Хоперского округа Области Войска Донского. 1913–1920 гг. ... С. 281.
11. Очерки по истории Волгоградской епархии Русской православной церкви. Волгоград, 2003. С. 152.
12. Дневник архиепископа Царицынского Дамиана 1919–1922 гг. // Мир православия. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 281.
13. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 373.
14. Там же. С. 398.
15. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 266.
16. Там же. С. 269–270.
17. Там же. С. 271.

Н.В. Кияшко

Епархиальная власть на Кубани и Черноморье в условиях Гражданской войны (1918–1920 гг.)

Гражданская война внезапно нахлынула на южные регионы страны. Последствия масштабного социального кризиса, вызвавшие изменение политического устройства России и народные столкновения, не могли не сказаться на жизни духовенства Русской православной церкви. Сложившаяся дихотомия общественно-политических взглядов явилась катализатором социальных проблем, накопленных в течение столетий. Духовенство в этот период было призвано оставаться индифферентным к социально-политическому противостоянию и силой авторитета не оказывать содействия тем или иным сторонам через выражение своих политических симпатий. Особенно болезненно происходила борьба на Кубани – в регионе, где жизнь значительной части населения характеризовалась консервативным укладом.

К сожалению, в силу идеологических причин долгое время положение православного духовенства Кубани в период Гражданской войны оставалось всецело не изученным и рассматривалось исключительно с ярлыком «контрреволюционности». Такой подход представлен в работах Б.П. Кандидова [1].

Проблемам положения духовенства Кубани и епархиальной власти в период Гражданской войны посвящены публикации современных историков. К ним можно отнести работы таких авторов, как священник А.А. Небавский [2], А.Ю. Рожков [3], М.Ю. Горожанина [4], Н.В. Кияшко [5]. В целом можно утверждать, что настоящая тема во многих аспектах все еще остается открытой для исследователей.

В январе – феврале 1918 г. на территории Кубани начались бои красноармейских отрядов с частями Добровольческой армии. 1 апреля (по старому стилю) после неудачного I Кубанского похода белых и штурма города Екатеринодара (в настоящее время – Краснодара) Юго-Восточная революционная армия полностью захватила город. Вскоре туда прибыл из Армавира Кубанский областной центральный исполнительный комитет – новый орган власти. В результате неудачных для белогвардейцев столкновений большевики захватили территорию области. 1–14 апреля в Екатеринодаре работал II съезд Советов Кубани, объявивший об образовании Кубанской советской республики [6].

Кубанское викариатство Кавказской и Ставропольской епархии в это время продолжало существовать под руководством епископа Кубанского и Екатеринодарского Иоанна (Левицкого). С началом вооруженных столкновений транспортное и почтовое сообщение с главой епархии архиепископом Кавказским и Ставропольским Агафодором (Преображенским) было прервано. Это видно из того, что в выходивших Ставропольских епархиальных ведомостях с 13 февраля 1918 г. перестали публиковаться сообщения о «переменах по службе» духовенства Кубани и служениях Преосвященного Иоанна. К сожалению, ограниченный круг источников не позволяет в полной мере реконструировать положение епархиального управления, но фрагментарные свидетельства оставляют возможность частично проследить деятельность епархиальной власти в годы Гражданской войны.

Во время боев и последовавшего затем захвата города Екатеринодара большевиками епископ Иоанн находился там вместе с местным духовенством. В этот период функционирование всех епархиальных учреждений было приостановлено, и лишь при епископе продолжала действовать канцелярия. Однако в марте никаких назначений духовенства на священнические, диаконские и псаломщические вакансии не происходило.

Новая власть была явно враждебно настроена к Русской православной церкви. Вполне вероятно, что красноармейцы после захвата города приходили с обыском в архиерейский дом. Достоверно известно, что после установления власти советов епископ Иоанн вместе со своими ближайшими помощниками (келейником Борисом Черченко, секретарем диаконом Антонием Седач) в первых числах апреля уехал в Екатерино-Николаевскую Лебяжью пустынь и находился в ней некоторое время, а затем, после возвращения, два раза подвергался нападению красноармейцев [7].

По прибытии епископа в кафедральный город с 26 апреля по 3 мая был произведен ряд назначений и перемещений духовенства, о которых только 23 мая были опубликованы извещения в епархиальных ведомостях [8]. На отсутствие епископа в апреле в Екатеринодаре указывают сведения о длительном ожидании его решения священником В.Е. Тимофеевским, прибывшим за получением нового места службы [9].

Среди документов Государственного архива Российской Федерации встречается упоминание о проходившем в июне 1918 г. в Екатеринодаре епархиальном собрании, на котором поднимался вопрос о необходимости поддержки преподавания Закона Божия [10]. В июле в Ставрополе на епархиальном собрании одной из главных тем обсуждения стало выделение Кубанской епископии из Ставропольской епархии, но, не достигнув единства мнений, делегаты ходатайствовали перед Святейшим Патриархом образовать «два епархиальных совета – Ставропольский и Кубанский ввиду всей очевидности и необходимости дать Кубанскому краю возможность решать дела церковные у себя на месте» [11]. В Москву отправился священник И. Гревцов, который затем получил соответствующий указ Патриарха на образование только Кубанского епархиального совета и в октябре привез его в Ставрополь.

Отсутствие доверия к советской власти со стороны казаков со временем привело к тому, что под давлением наступавшей Добровольческой армии большевики были вынуждены отступить за пределы области. Уже практически к августу 1918 г. в регионе была восстановлена прежняя система управления, а церковная жизнь нормализована.

Не имея возможности длительное время ожидать указа Патриарха, делегаты от кубанского духовенства добились от архиепископа Агафодора разрешения на организацию Епархиального совета 17 августа 1918 г. [12]. Совет, получив ряд административных функций, формально стал осуществлять «консistorскую» деятельность: в его ведение были переданы бракоразводные дела, общая переписка с органами власти. Председателем совета стал священник Г. Ломако, а членами – священник И. Николайченко, протоиерей М. Виноградов и мирянин И.Н. Терещенко. Для ведения делопроизводства совету было необходимо обращаться к документам Ставропольской духовной консистории, что вызывало значительные затруднения в работе. Поэтому с восстановлением железнодорожного сообщения в консисторию отправилась особая комиссия для перевозки всех документов последних лет, касающихся Кубанской области. Из-за нехватки вагонов не было возможности перевезти все документы, поэтому комиссия вывезла лишь метрические книги храмов за последние 30 лет, неоконченные ставленнические и бракоразводные дела. Всего из консистории было передано до 5000 дел. С этого момента де-факто начал свою деятельность Кубанский епархиальный архив [13].

Существенной проблемой в обеспечении деятельности Епархиального совета явилась нехватка помещений. Необходимость размещения военных учреждений Добровольческой армии вынуждала краевое правительтельство идти на изъятие у епископии зданий. Долгое время Епархиальный совет размещался в одном из небольших флигелей епархиального женского училища, а архив находился в неразобранном состоянии. Вследствие нерешительности в ряде административных вопросов епископ Иоанн со временем потерял контроль над деятельностью

Епархиального совета. Фактическим управляющим всеми делами в епархии стал председатель священник Григорий Петрович Ломако.

Стоит отметить, что основанием для падения авторитета власти епископа послужили события 1917 – начала 1918 гг., когда существовал Совет Союза духовенства Кубанской области. По мнению архиепископа Вольнского и Житомирского Евлогия (Георгиевского), «этот совет широко развил свою работу... он имел большую заслугу в церковной жизни Кубани в эту трудную годину, особенно в деле защиты духовенства перед разными исполнительными комитетами и другими революционными организациями, а равно и в деле ограждения его от произвола взбудораженной темной толпы» [14]. Примером решительного давления на епископа со стороны совета может послужить процесс с назначением священника Даниловского на должность столоначальника Кубанской епархиальной канцелярии. Поступившее прошение Даниловского епископ Иоанн передал в совет на последующее утверждение, но члены совета нашли недопустимым совмещение должностей приходского священника и епархиального чиновника. Однако епископ решил, снисходя к материальным трудностям большого семейства священника, допустить его к работе в канцелярии. В ответ на это к Преосвященному Иоанну прибыли все члены совета и потребовали объяснения. «Мы не можем, – говорил от лица собравшихся председатель совета Г. Ломако, – работать при наличии недоверия епископа к совету – кто либо должен сойти со сцены: или мы, или Вы».

Столь дерзкое поведение непременно должно было бы вызвать соответствующие дисциплинарные меры со стороны архиерея, но епископ сразу же выразил сожаление по поводу своих решений, согласившись с позицией совета [15]. Этот инцидент иллюстрирует захват епископской власти советом Союза и бессилие епископа Иоанна в делах управления. При этом, касаясь личного портрета епископа, необходимо упомянуть, что он был искренним и глубоко верующим, добрым. «Это большой труженик, у которого нет ни частных знакомых, ни развлечений с друзьями – который все свое время отдает служебным обязанностям. Утром – ежедневный прием [посетителей] до 2 часов, вечер и добрая часть ночи – занятие епархиальными делами в кабинете; в его резолюциях видна внимательная, кропотливая работа», – так описывал жизнь епископа Иоанна современник [16]. Именно отсутствие твердости епископа привело впоследствии епархиальную власть и духовенство к глубокому кризису.

С началом 1919 г. на Кубани вступило в свою активную фазу создание новой политической системы во главе с Кубанским краевым правительством. Отстраненность епископа от участия в общественно-политических процессах постепенно привела к полному отсутствию внимания со стороны структур власти к проблемам епархии. Епископ Иоанн не присутствовал на открытии Законодательной рады, даже не поздравил с избранием войсковым атаманом А.П. Филимонова,

не совершал никаких личных визитов, ограничиваясь официальной перепиской. «Вообще он мало интересовался общественно-политическими течениями, недостаточно ясно в них разбирался, чтобы использовать их для целей епархиальной жизни. Из личной беседы с Преосвященным Иоанном я убедился, как смутно он представляет себе, что творилось и творится в Краевом правительстве и Краевой и Законодательной радах, к кому полезно было бы обращаться для удовлетворения тех или иных нужд епархиальной жизни», – писал архиепископ Евлогий [17].

Решением Юго-Восточного русского церковного собора и указом Временного высшего церковного управления (далее – ВВЦУ) 18 июня 1919 г. Кубанская епископия Кавказской и Ставропольской епархии была выделена в самостоятельную епархию. На самостоятельности особенно активно настаивало Кубанское правительство в лице своего представителя на соборе А.П. Гаденко. Одновременно с образованием Кубанской епархии самостоятельный статус получили приходы Черноморского побережья, выделенные в Черноморскую и Новороссийскую епархию. Управление епархией возглавил бывший Сухумский епископ Сергей (Петров). При нем вскоре был образован Черноморский епархиальный совет, состав которого получил утверждение указом ВВЦУ от 23 октября 1919 г. [18]. Через некоторое время по настоянию епископа Николаевского храма Новороссийска был присвоен статус Черноморского кафедрального собора [19].

По предложению члена Краевого правительства К.А. Безкровного была образована комиссия для разрешения административных вопросов, связанных с организацией Кубанской епархии. Несмотря на то что деятельность комиссии принесла значительные результаты, исполнение правительством ее решений затягивалось [20]. Появившийся диссонанс между членами правительства усугублялся значительным противоречием в его решениях. Нужно заметить, что согласно «Временному положению об управлении Кубанским краем» (§ 4) никто в пределах края не мог пользоваться привилегиями по вероисповедному признаку. Но вместе с этим Епархиальный совет был признан правительственным учреждением, а его содержание принято на казенный счет. Таким образом, краевой орган власти оказывал открытое покровительство Церкви. В дальнейшем, основываясь на этом пункте, некоторые члены правительства препятствовали выделению казенных средств для епархии.

Наступивший к середине 1919 г. кризис кубанской епархиальной власти был очевиден для всех. Члены ВВЦУ, осознавая, что в случае развала церковной жизни на Кубани управление потеряет не только поддержку, но и контроль над духовенством, отстранили епископа Иоанна от управления епархией. В письме от 2 августа 1919 г. за подписью почетного члена ВВЦУ митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого) епископу Иоанну было предложено отказаться от управления епархией и просить назначения в какое-либо викариатство или же «подвергнуться ревизии» [21]. Очевидно, что Преосвященный Иоанн выбрал ревизию.

Указом ВВЦУ от 12 октября 1919 г. № 194 в епархию был направлен архиепископ Евлогий, которому было поручено провести ревизию всех дел управления. Уже к 31 октября им были изучены документы архива, получены мнения и отчеты от епископа Иоанна, Епархиального совета, руководителей епархиальных учреждений, на основании которых он сделал вывод, что «церковная жизнь в Кубанской епархии развивается туго и неправильно» [22]. 13 ноября Кубанский епископ был вызван на заседание ВВЦУ, где после отчета о ревизии ему предложили высказать свое мнение. В результате длительных колебаний архиерей решил уйти на покой с настоятельством в Кавказском Николаевском монастыре, а управление епархией было возложено на епископа Уманского Димитрия (Вербицкого) с возведением его в сан архиепископа [23].

В силу проблем с транспортным сообщением епископ Димитрий в установленный срок не прибыл в Екатеринодар, а потому «впредь до его прибытия» временным управляющим епархией стал митрополит Антоний, о чем 10 декабря 1919 г. было объявлено в указе ВВЦУ [24]. Можно утверждать, что недолгий период его управления епархией не был бездейственным. Многочисленные прошения и резолюции на них митрополита Антония как управляющего кубанским духовенством, выявляемые в архиве Екатеринодарской епархии, указывают на его активное участие в церковной жизни. Однако пассивность местного духовенства, нравственный уровень которого в ряде случаев был крайне низок, была препятствием в развитии приходской деятельности. В таком же состоянии находилось население станиц и хуторов, настроенное против Добровольческой армии.

Протопресвитер Г.И. Шавельский в целях успокоения населения в январе 1920 г. отправился проездом через станицы Екатеринодарского отдела с проповедью мира. Предварительно он доложил об этом митрополиту Антонию, который одобрил поездку и сказал: «Если надо, и я готов поехать по станицам» [25].

Наступивший рост напряжения в отношениях кубанского правительства и руководства Добровольческой армии передавался казачьему населению, среди которого стали частыми восстания против белых. Неудачи армии и приближение большевиков к области вынудили митрополита Антония уехать в Новороссийск, а затем в марте он был эвакуирован вместе с председателем Епархиального совета священником Г. Ломако на Афон [26].

После перехода территории Кубани и Черноморья под власть большевиков, с апреля по ноябрь 1920 г., епархия находилась под управлением епископа Сергия (Лаврова). Свидетельства об этом можно найти в списке М.Е. Губонина и в документах архива Екатеринодарской епархии [27]. По выражению епископа Краснодарского Флавиана (Иванова), епископ Сергий управлял «без всяких благословений и назначений Святейшего Патриарха Тихона» [28].

Отсутствие какой-либо связи между епископом Сергием и находящимся в Крыму ВВЦУ объясняет последовавший 16 апреля 1920 г. указ

№ 503 о назначении епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова) управляющим частью Черноморской епархии. Нагруженный различными должностными обязанностями, Преосвященный не мог одновременно заниматься делами Черноморья, поэтому 18 августа 1920 г. «временное управление освобождающимися от большевиков частями Кубанской и Черноморской епархий впредь до освобождения кафедральных городов сих епархий» было возложено на епископа Чигиринского Никодима (Кроткова), которому предписывалось отправиться на Кубань [29]. Эти сведения являются совершенно уникальными и впервые вводятся в научный оборот.

Неудачи, постигшие врангелевскую армию, а затем и эвакуация ВВЦУ из Крыма прекратили полномочия епископа Никодима.

Подводя итог всему вышесказанному, важно отметить, что в годы Гражданской войны положение Русской православной церкви на Кубани стало зависимым от политической конъюнктуры. Проблемы революционного времени требовали от епархиальной власти, а именно от епископа Иоанна, решительных и конкретных действий, участия в общественно-политической коммуникации. Однако даже после образования самостоятельной Кубанской и Екатеринодарской епархии явственно обозначился кризис епархиальной власти, который стал главным препятствием к стабильности в церковной жизни. Внешнее спокойствие епархии на самом деле скрывало ее большие внутренние проблемы. Попытки их решить предпринимались митрополитом Антонием, протопресвитером Г.И. Шавельским, но участь белогвардейского командования, а вместе с ним и большинства архиереев и ВВЦУ, была предрешена.

Примечания

1. Кандидов Б. Церковь и контрразведка. Контрреволюционная и террористическая деятельность церковников на юге в годы Гражданской войны. М., 1930; Его же. Церковь и гражданская война на Юге: материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны. М., 1931.

2. Небавский А.А. Репрессии против духовенства в годы Гражданской войны // «Гром победы, раздавайся!»: материалы XI Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2015. С. 213–224.

3. Рожков А.Ю. Обновленцы и мученики // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. С. 127–139.

4. Горожанина М.Ю. Православное духовенство Кубани в годы политических репрессий // Материалы X Международной научной конференции «Государство, общество, Церковь в истории России XX века». Иваново, 2011. С. 132–139.

5. Кияшко Н.В. Особенности епархиального управления и церковной жизни на Кубани в 1919 году // Вопросы южнороссийской истории: научный сборник. Вып. 19. Армавир, 2015. С. 179–191; Его же. Кубанское духовенство после Февральской революции 1917 г.: трансформация института епархиальной власти в свете региональной истории // «Гром победы, раздавайся!»... С. 202–212.

6. Сивков С.М. Государственно-территориальное строительство на Кубани в 1917–1937 гг. (к 85-летию образования Краснодарского края) // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 3. С. 78.

7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 141об.
8. Ставропольские епархиальные ведомости. 1918. № 15–16. С. 347–349.
9. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 2–2об.
10. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 63.
11. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 183.
12. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 149, 183об.
13. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 183об., 184–184об.
14. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 147об.–148.
15. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 148об.–149.
16. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 145об.
17. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 142.
18. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5. Л. 114.
19. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 4. Л. 60об.; Оп. 2. Д. 10. Л. 26об.
20. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144, 185.
21. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 10. Л. 11.
22. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 140, 168–169об.
23. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 10. Л. 35; Оп. 1. Д. 2. Л. 36.
24. Кубанский церковный вестник. 1919. № 22–23. С. 352.
25. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 391.
26. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 2. Л. 119–120.
27. История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. М., 2006. С. 166; Архив Екатеринодарской епархии. Д. О 66/10.
28. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 177. Л. 35.
29. ГАРФ. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

С.Д. Багдасарян

Продовольственный вопрос в повседневности аграриев Юга России в начале 1920-х гг.

Юг России за период 1917–1921 гг., как и другие регионы страны, пострадал от времени войн и смен режимов. Гражданская война оказалась одним из самых тяжелых по последствиям периодов, принесшим населению социальные и экономические потрясения.

На повседневную культуру аграриев России после Гражданской войны проецировалась острая проблема нехватки продовольственного обеспечения и потребления, вызванная масштабной разрухой, резким сокращением посевных площадей, существенным уменьшением численности скота, снижением урожайности. Неизбежным следствием революционно-военных потрясений стало падение уровня агротехники. Безрадостное положение сельских жителей складывалось в начале 1920-х гг. и на Юге России. Так, на Дону представители властных структур на протяжении всей весны 1920 г., с марта по май, с полным основанием